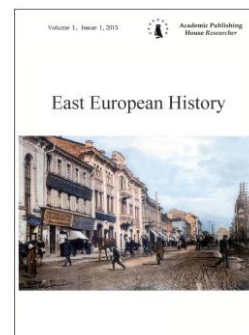

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 East European History
 Has been issued since 2015.
 E-ISSN: 2500-1310
 2019, 5(1): 41-50

DOI: 10.13187/eeh.2019.1.41
www.ejournal49.com

The Ideological Evolution of the Official: the Path of the General of the Infantry N.A. Maslakovets from Youth Liberalism to Pragmatic Conservatism

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

General of the Infantry Nikolai Alekseevich Maslakovets was one of the most influential officials of the Ministry of War of the Russian Empire at the late nineteenth century who was engaged in the management of Cossack Hosts. The general proposed a number of reforms and led the work of several commissions, which played some role in the history of the Cossacks (in particular, one of these commissions is associated with the destruction of the zemstvos on the Don, and the second recognized the serious economic crisis of the Don Cossacks). However, a specific study about N.A. Maslakovets is very little, and his ideological evolution was not traced by historians. In the Don historiography after S.G. Svatikov, N.A. Maslakovets is considered an extreme reactionary and opponent of elective bodies that violate the "harmonious organization" of the state machine. But, turning to the fund of N.A. Maslakovets in the department of manuscripts of the Russian National Library, which is little known to historians, we found that this interpretation is greatly simplified. We tried to trace the ideological evolution of the general, which seems to be important both for a better understanding of the decisions he adopted that influenced the history of the Cossacks, and so also in the study of the ideology of the Russian military bureaucracy of the late XIX century. We found that in youth N.A. Maslakovets held liberal views and was a supporter of demilitarization of the Cossacks. But the disappointment in the results of liberal reforms in the Cossack Hosts forced him to move to a conservative position. Conservatism of N.A. Maslakovets was more pragmatic than ideological: he believed that government policy should not aspire to liberal or conservative ideal, but be based on "historical grounds or government needs", "meeting the local needs" and "strong organization of societies, as well as government institutions". Nevertheless, until the end of his career, the general advocated the "call of public forces to serve the state."

Keywords: ideology of Russian bureaucracy at the end of XIX century, history of the Cossacks, N.A. Maslakovets, Commission of N.A. Maslakovets, the economic crisis of the Cossacks in the late XIX century.

1. Введение

Имя генерала от инфантерии Николая Алексеевича Маслаковца едва ли много скажет современному читателю. Возможно, только люди, интересующиеся прошлым донского казачества, слышали о нем как о руководителе нескольких комиссий при администрации Войска Донского, а знатоки оренбургской истории вспомнят, что он был местным атаманом

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

и губернатором. Между тем Н.А. Маслаковец представляет собой едва ли не уникальную в российской истории фигуру, фигуру человека не-казацкого происхождения, вся жизнь которого была связана с гражданским управлением казачьих войск, и который закончил свою карьеру влиятельным «генералом для особых поручений» при военном министре по казачьим делам. Генерал активно участвовал в нескольких событиях, оказавших, как потом выяснилось, решающее влияние на историю казачества (упразднение земств на Дону, работа «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния» и т. д.). Наконец, личность Н.А. Маслаковца очень интересна в плане идейной эволюции: если в молодости его характеризовали как сторонника либеральных реформ Александра II, то к концу жизни он стал убежденным консерватором. В некоторых работах по истории донского края он заклеямен как убежденный реакционер и ретроград (Козлов, Козлов, 2000: 116; Сватиков, 1924: 379-381). Однако был ли он таковым на самом деле? Каковы были политические и общественные взгляды Н.А. Маслаковца, оказавшие влияние на многие решения генерала? Нам представляется, что ответы на эти вопросы важны как для более глубокого понимания некоторых аспектов истории казачьих войск, так и в рамках исследования идеологии российской военной бюрократии конца XIX в. И мы попытаемся ответить на них в своей статье.

2. Материалы и методы

Так как наша статья будет посвящена конкретной личности, мы будем широко использовать в ней историко-биографический метод. Другим востребованным нами методом будет историко-описательный: мы обратимся к малоизвестным материалам из личного архива Н.А. Маслаковца, ныне хранящегося в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Наконец, мы применим и историко-сравнительный метод, сопоставляя традиционную оценку деятельности Н.А. Маслаковца в донской историографии, восходящую к работам С.Г. Сватикова, с рукописями и опубликованными работами самого генерала, объясняющими мотивацию принятия им тех или иных решений.

К сожалению, за исключением С.Г. Сватикова, писавшего о Н.А. Маслаковце еще в 1920 г. (Сватиков, 1924: 379-381), историки к личности героя нашей статьи почти не обращались. Единственная небольшая биография генерала была написана еще в 1911 г., его сослуживцем Н.С. Григоровичем (Григорович, 1911: 262-266). Позднейшие биографические очерки оренбургских краеведов фактически представляют собой пересказ этой работы с небольшими дополнениями. Таким образом, наша статья является еще и первым выполненным профессиональным историком биографическим исследованием, специально посвященным Н.А. Маслаковцу.

3. Обсуждение

Н. А. Маслаковец впервые тесно столкнулся с казачьим населением Российской империи в 1860 г., когда он, молодой артиллерийский офицер, получил назначение в Оренбургский отдельный корпус. К этому времени герой нашей статьи был уже вполне сложившейся личностью, и Н.С. Григорович, лично с ним общавшийся, описывал его так: «Будучи человеком серьезным, Н.А. был принят в самых интеллигентных кружках тогдашнего оренбургского общества, как желанный гость. Его прямой характер, честность убеждений и взглядов и обширная образованность вызывали к нему симпатии общества. Вступив в сознательную жизнь в лучшее время просветительных реформ Царя-Освободителя, Н.А. посвящал свои досуги делу просвещения полуобразованных офицеров оренбургского городского гарнизона. <...>. По инициативе Н.А., при сочувственной поддержке корпусного обер-квартирмейстера полковника В.Д. Дандевилля, составилась кружок офицеров генерального штаба, который решил открыть ряд лекций по военным наукам» (Григорович, 1911: 262-263).

Как мы видим, Н.С. Григорович рисует молодого офицера как едва ли не «шестидесятника», и уж точного как человека, остро реагирующего на либеральные веяния времени и старающегося следовать им. Как нам удалось выяснить, Н.А. Маслаковец не остался в стороне и от острейшей дискуссии о будущем казачества, которая в это время бурлила по всем казачьим войскам Российской империи, и неизбежно затронула Оренбург.

Речь шла о самом существовании казачьего сословия: либерально настроенные общественные деятели и чиновники утверждали, что «...если обстоятельства, родившие казачество, миновались, казачество должно пасть...», и на этом основании призывали начать постепенную демилитаризацию большинства казачьих войск (Ст., 1861: 202-203). В 1862 г. в журнале «Экономист» даже вышла статья, автор которой, скрывавшийся под псевдонимом Й, предлагал упразднить непосредственно оренбургское войско (Оренбургский казак, 1862: 104). Трудно сказать, имел ли к этой статье какое-либо отношение Н.А. Маслаковец, однако он, очевидно, был полностью согласен с ее автором, поскольку и сам в начале 1860 гг. подготовил служебную записку с аналогичным предложением. К сожалению, найти эту записку нам не удалось, но мы обнаружили в ОР РНБ ответ на нее оренбургского атамана П.В. Зворыкина, который следующим образом пересказывал содержание текста, составленного молодым офицером: «1) Обратить это (Оренбургское – А.П.) войско в податное состояние, на том сновании, что оно «вовсе почти не имеет заслуг воинственности и оберегая линию, несло постоянно скорее полицейскую, чем военную службу, что примеры участия полков этого войска в военных действиях были редки, при настоящем же положении дел в здешнем крае оно вовсе не удовлетворяет своему назначению, а теперь казаки дурно или даже вовсе не обучены и совершенно почти непригодны к отбыванию воинской службы, что особенно резко выказывается при употреблении их в степь»; 2) Все Оренбургское казачье войско следует заменить кавалерийской дивизией из 4 полков шестиэскадронного состава, бригадой конной артиллерии и двумя пешими батальонами; 3) От этого преобразования и казна и край весьма много выиграют» (ОР РНБ. Ф. 748. Д. 3. Л. 1). Таким образом, мы нашли доказательства того, что Н.С. Григорович ничуть не преувеличивал либерализма молодого Н.А. Маслаковца, более того, в начале своей карьеры будущий генерал был противником самого института казачества. Однако подобная позиция вызвала неудовольствие начальства: оренбургский атаман П.В. Зворыкин лично дал на подготовленную героем нашей статьи записку развернутый ответ, в котором весьма едко указывал на «несправедливость» и «неосновательность» утверждений «господина Маслаковца» (ОР РНБ. Ф. 748. Д. 3. Л. 3, 9об.). Так смелость в защите своих убеждений в первый, но не последний раз поставила Н.А. Маслаковца под удар со стороны вышестоящих чиновников.

К сожалению, о последующем периоде жизни Н.А. Маслаковца нам почти ничего не известно. Однако за вторую половину 1860–1870 гг. он очень изменился. Н.С. Григорович характеризует генерала в зрелом возрасте так: «Н.А. отличался доступностью. Всякий, независимо от его общественного положения, всегда имел к нему доступ, терпеливо выслушивался и, насколько это зависело от Н.А., получал удовлетворение своих нужд. Подчиненных своих, от высших должностных лиц до волостных старшин и станичных атаманов Н.А. знал хорошо и ценил каждого по его заслугам» (Григорович, 1911: 263-264). Характерно, что даже соратник оренбургского атамана ставил ему в заслугу чисто чиновничьи качества, и Н.А. Маслаковец в его трактовке выглядит благожелательным и дисциплинированным руководителем четко работающей чиновничьей машины. Донские историки выделяли те же качества генерала, но оценивали их совершенно иначе. Так, у С.Г. Сватикова вызывало возмущение преклонение Н. А. Маслаковца перед военно-административной системой организацией казачьих войск, и желание эту систему сохранить и в будущем (Сватиков, 1924: 379). Именно негативным отзывам этого авторитетнейшего донского историка Н.А. Маслаковец и обязан своей плохой репутации в донской историографии.

Как ясно из этих цитат, от юношеского либерализма генерала к 1870 гг. почти ничего не осталось. Ключ к его идейной эволюции дает найденная нами в ОР РНБ «Записка о вредном влиянии реформ 1860 гг. на экономическое положение оренбургских казачьих войск и о мерах подъема их благосостояния» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104). Поэтому, хотя она была написана Н.А. Маслаковцем в 1889 г., мы частично разберем ее тут. В этом документе генерал не только рассматривал конкретную ситуацию в Оренбургском казачьем войске, но и позволил себе более общие замечания. Он утверждал, что успешное развитие «человеческих обществ и государственных учреждений» возможно только в том случае, если выполняются условия к этому развитию. Подобных условий Н.А. Маслаковец выделял три: «историческая почва или государственная потребность», «удовлетворение местных нужд» и

«прочная организация как самих обществ, так и государственных учреждений, при условии единства ясно и твердо определенной цели в направлении их деятельности» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 2). Либеральные же реформы Александра II, хотя и составляли, по мнению генерала «одну из знаменательнейших эпох в истории» и принесли «действительные блага» России, но категорически не соответствовали «духу и бытовым особенностям казачьих обществ и отбываемой казаками воинской служебной повинности», из-за чего их результаты в казачьих войсках оказались катастрофическими (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 5). Остановимся на одном из примеров, приводимых Н.А. Маслаковцом. Согласно его мнению, прежний контроль войсковой администрации над делами станичного хозяйства, хотя и был неидеален, но обеспечивал в этом хозяйстве определенный «порядок». Демократизация управления станицами в 1870 гг. разрушила этот «порядок», а создание нового порядка, идущего снизу, а не сверху, было бы возможно только в случае существования в казачьей среде «духа подчинения многих интересов идее общественной солидарности». Но, поскольку подобного духа в казаках исторически выработано не было, либеральные реформы принесли в область станичного управления не свободу, но анархию, проявляющуюся в «неурядицах и злоупотреблениях» освобожденных от жесткого контроля чиновников станичных властей. Таким образом, демократизация станичного управления привела не к позитивным изменениям, но к тому, что из-за отмеченных выше «неурядиц и злоупотреблений» «благополучие самих казачьих общин видимо стало клониться к упадку» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 60б.-7). Мы можем констатировать, что Н.А. Маслаковец разочаровался в либерализме, увидев результаты либеральных реформ в казачьих войсках, и осознав, что они разительно отличались от предполагаемых. И от новых реформ он теперь требовал соответствия государственным задачам, местным интересам и традициям, а не некоему абстрактному идеалу, будь то идеал либеральный или консервативный.

Подобный прагматический, а не идеологический консерватизм, проявленный Н.А. Маслаковцом на должности помощника донского атамана, и привлек позже внимание историков, прежде всего С.Г. Сватикова, к деятельности генерала. Герой нашей статьи сыграл заметную роль в упразднении донских земств, которые изначально мыслились как экспериментальные, и успех которых мог бы повлечь распространение земского самоуправления на другие казачьи войска (Волвенко, 2008: 196-213). Мы не имеем возможности здесь подробно рассматривать недолгую, но бурную историю земских органов на донской земле. Ограничимся отсылкой к информативной статье А.А. Волвенко, из которой, помимо прочего, ясно видно, что донские земства не пользовались популярностью среди казаков (Волвенко, 2008: 196-213). И из-за массовой неуплаты ими земских повинностей 16 ноября 1879 г. в Новочеркасске была открыта особая комиссия под председательством Н.А. Маслаковца, которая должна была рассмотреть вопрос о «практическом применении земских учреждений в области войска Донского» (Маслаковец, 1880: 2). С.Г. Сватиков утверждал, что неудача этой комиссии, так и не пришедшей к какому-либо результату, была определена позицией председателя: Н.А. Маслаковец, якобы, не сочувствовал самой идее местного самоуправления, противопоставлял земства военной администрации, а так же требовал подчинить их местным властям. С.Г. Сватиков даже сделал вывод, что генерал, как и его начальство, ставили перед собой «истинную цель» «уничтожения земств на Дону» (Сватиков, 1924: 379-381). Эти же обвинения повторяют и некоторые современные историки (Козлов, Козлов, 2000: 116). Однако, если мы обратимся к текстам самого Н.А. Маслаковца, то увидим совершенно иную картину. Конечно, доверять им безоговорочно было бы некорректно, однако представляется интересным посмотреть на проблему и с другой стороны.

Атаман Н.А. Краснокутский изначально поставил перед комиссией Н.А. Маслаковца задачу «привести в порядок земский бюджет и согласовать его с действительными средствами земства, ограничив до крайней возможности все падающие на него непроизводительные расходы» (Маслаковец, 1880: 2). Однако дотошный и педантичный Н.А. Маслаковец решил не ограничиваться этим, а попытаться понять «причины неудовольствия земскими учреждениями со стороны станичных обществ» (Маслаковец, 1880: 3). И тщательно проверенная реальная работа донских земских органов никак не могла удовлетворить любящего порядок героя нашей статьи: он сразу же обнаружил, что «заметно высокий процент из сумм, назначенных на необязательные повинности, упадет

на содержание земских управ» (Маслаковец, 1880: 6). Даже двадцать лет спустя генерал с возмущением писал, что на земские расходы шло только 53 % бюджета земств, остальное же тратилось на содержание управ, непредвиденные расходы и т.п. (Маслаковец, 1899: 10).

И не только Н.А. Маслаковец, но и большинство комиссии постановило, что неэффективность работы донских земств была связана как с объективными причинами и препятствиями, которые чинили работе земских органов казаки, так и с рядом сомнительных действий, предпринятых самими этими органами (Маслаковец, 1880: 7). Но представители земств в комиссии Н.А. Маслаковца отказались признать даже очевидные недостатки в своей работе, что сделало невозможным выработку компромисса с ними как в рамках предложений Н.А. Краснокутского (резкое уменьшение расходов земств), так и в рамках предложений самого Н.А. Маслаковца (упорядочение и увеличение эффективности работы земств) (Маслаковец, 1880: 7-8).

В 1880 г. Н.А. Маслаковец продолжал разрабатывать проект земской реформы на Дону уже самостоятельно. При этом генерал уделял серьезное внимание вопросу о целях и задачах местного самоуправления вообще. Он с полным одобрением приводил цитаты из статей российских юристов, хотя и критичные в отношении земств, но далеко не реакционные. «Для того, чтобы страна развивалась, просвещалась и богатела, нужно действие двух сил – правительственной и общественной. Но для того, чтобы эти силы действовали плодотворно, им нужно идти вместе, а не отдельно, в качестве противоположных и часто враждующих организмов» (Маслаковец, 1880: 98). В итоге Н.А. Маслаковец делал вывод, что важна не форма земств, но их сущность, которую он видел в «идее призыва общественных сил на службу государству» (Маслаковец, 1880: 98). Нам представляется, что приведенная формулировка, «призыв общественных сил на службу государству», вообще характеризует важную часть политических воззрений героя нашей статьи, и ниже мы увидим, как он воплощал ее.

Таким образом, Н.А. Маслаковец, в рамках своей политической позиции, рассматривал земства не как органы, имеющие самостоятельную ценность, но как инструмент, призванный эффективно обеспечивать взаимодействие общества и государства, и помогать последнему в удовлетворении потребностей жителей конкретного региона. Поскольку донские земства, не поддерживаемые значительной частью населения и тратящие почти половину бюджета на собственное существование, явно являлись подобным инструментом, генерал был их убежденным противником, однако его возмущала не идея земств вообще, а ее реализация на Дону. Соответственно, тот образ Н.А. Маслаковца, который рисует С.Г. Сватиков, сильно демонизирован, и, хотя объективно позиция героя нашей статьи способствовала ликвидации донских земств, сам он никогда подобной цели не ставил.

Несмотря на неоднозначный земский эпизод, в 1884 г. Н.А. Маслаковец получил новое назначение. Можно усмотреть определенную иронию в том, что он был поставлен во главе Оренбургской губернии и того самого Оренбургского казачьего войска, за уничтожение которого ратовал в молодости. Главным событием за время его управления краем был ряд неурожайных лет. Н.С. Григорович писал о настоящих «нравственных мучениях», которые герой нашей статьи испытывал в связи с особенно масштабным голодом 1891 г. и крайней ограниченностью в средствах для помощи населению (Григорович, 1911: 264).

Однако атаман ставил своей целью не только борьбу с голодом. С редкой прозорливостью он считал вскрывшуюся в его ходе экономическую неустойчивость казачьих хозяйств не причиной, но следствием более глубоких проблем российского казачества, проблем, достигших такого масштаба, что «прежняя служебная деятельность казаков в сфере боевых сил Империи вскоре станет невозможной» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 70б.–8). Как мы уже писали, причиной этих проблем он считал либеральные реформы эпохи Александра II, разрушившие прежнюю устойчивую систему быта казачьих войск. Однако генерал не ограничивался идеологическими соображениями, но всячески напоминал своему начальству, что время, когда благосостояние оренбургских казаков «вполне отвечало современным требованиям лежащей на войсках воинской повинности», а средства войсковой казны «так же могли удовлетворять предписываемым ей требованиям», осталось в пролом (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 4–40б.). По его мнению, баланс между правами и обязанностями как рядовых казаков, так и казачьих войск в целом был разрушен, и назрели срочные меры для восстановления этого баланса (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 6). Более того,

Н.А. Маслаковец доказывал, что эти меры не могут быть чисто административными, а решение проблем оренбургского казачества невозможно без «более или менее серьезной помощи извне» или «облегчения Оренбургского войска в лежащих на нем личных и имущественных повинностях» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 100б.-11).

Подобная позиция крайне затрудняла действия Н.А. Маслаковца на посту оренбургского атамана. Генерал оказывался в патовой ситуации: оказать финансовую помощь голодающим казакам он мог только из войсковой казны, а пополнить эту казну мог только за счет самих казаков (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 11). Н.А. Маслаковец так же жаловался, что те реформы, в которых он видит решение сложившихся проблем, «не могут уже принадлежать инициативе местного войскового начальства», и он бессилен в их проведении (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 12). Генерал считал особенно желательным введение «ежегодного вспомощевания от войска беднейшим казакам при выходе их на внешнюю службу в строевых войсковых частях» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 110б.). Любопытно, что последняя мера в итоге была принята Военным Министерством, но только десятилетие спустя, и с участием все того же Н.А. Маслаковца (Краснов, 1909: 484).

А в начале 1890 гг. правительство не согласилось удовлетворить предложения оренбургского атамана. Между тем ситуация в Оренбургской губернии из-за голода 1891 г. все ухудшалась. Вот что пишет о последовавших событиях Н.С. Григорович: «Н.А. изложил тогдашнему министру внутренних дел И.Н. Дурново подробно, ничего не скрывая, в каком положении было население губернии и насколько можно было рассчитывать на успешное удовлетворение его продовольственных нужд. В то же время он ходатайствовал об ассигновании на продовольствие крестьянского и казачьего населения Оренбургской губернии семи миллионов двухсот шестидесяти тысяч рублей. Через месяц после возбуждения этого ходатайства Николаю Алексеевичу был сделан запрос, не пожелает ли он занять более покойное место члена Совета военного министра, но он подал прошение об отставке» (Григорович, 1911: 264). Как мы видим, Н.А. Маслаковец действительно был принципиальным человеком, готовым пожертвовать блестящей карьерой ради защиты своих убеждений.

Однако его отставка была не долгой. В 1894 г. умерла жена Н.А. Маслаковца и он принял решение во второй раз вернуться на службу (Григорович, 1911: 266). В 1894–1906 гг. генерал не занимал никакой постоянной должности, находясь в распоряжении военного министра (Григорович, 1911: 266). В это время на него возлагались сложные и специфические миссии, на подготовке к одной из которых мы остановимся подробно. Дело в том, что к началу XX в. донское казачество, подобно оренбургскому, было доведено до экономического кризиса, и не замечать этот кризис становилось все сложнее. В начале 1898 г. уже донское дворянство обратилось к Николаю II с прошением предпринять хоть какие-то меры для разрешения сложившейся ситуации (Волвенко, 2017: 120). Возникшая ситуация серьезно компрометировала уважаемого в бюрократических кругах донского атамана Н.И. Святополк-Мирского, якобы успешно правившего Доном почти два десятилетия и отрицавшего существование экономического кризиса казачества. В этих условиях Николай II принял компромиссное решение. С одной стороны, он приказал создать специальную комиссию для рассмотрения сложившейся ситуации. С другой стороны, во главе этой комиссии был поставлен бывший помощник Н.И. Святополк-Мирского, Н.А. Маслаковец, которому была дана почти полная свобода действий: он не только должен был определить «программу занятий комиссии», но и понять, насколько соответствуют действительности озвученные проблемы казачества (Протоколы, 1899: 1).

Генерал подошел к своей задаче максимально серьезно, даже не думая покрывать бывшего начальника. Он не просто отправился на Дон, но предпринял трехмесячную инспекционную поездку по Области Войска Донского, чтобы «ознакомиться на месте с нуждами казаков и причинами упадка их благосостояния» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 24. Л. 100б.). Вот что Н. А. Маслаковец писал об этой поездке: «предметом моих занятий были как изучение собранных на месте статистических данных, так и личный объезд всех округов Донской области, где мною были посещены 62 казачьи станицы и многие из входящих в состав их хуторов, а так же и некоторые из донских крестьянских волостей» (Протоколы, 1899: 1).

По итогам инспекции Н. А. Маслаковец составил обширный доклад, и поныне хранящийся в его фонде в ОР РНБ (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 17). Сам генерал следующим образом формулировал суть этого доклада: «личные мои исследования, ознакомив меня с нынешним положением различных частей населения Донского казачьего войска, вполне убедили меня как в наличности факта всеобщего на Дону упадка благосостояния в станичном казачьем населении, так и в необходимости скорейшего принятия серьезных мер к восстановлению нарушенного в казачьем быту экономического равновесия или хозяйственной устойчивости казачьей семьи» (Протоколы, 1899: 1-2). Подобная поддержка Н.А. Маслаковцом ходатайства донского дворянства была особенно важна потому, что, как жаловались донские общественные деятели, «местное начальство, очень хорошо зная, какой важнейшей потребности края отвечает это ходатайство, не только не поддержало его, но и пыталось доказать то, чего не было, то есть, что, сделав такой шаг, дворянство вышло из пределов своей компетенции, присвоив себе право, которого оно не имеет» (Протоколы, 1899: 132). Если бы генерал занял иную позицию, возможно, комиссия не была бы создана вовсе, или ограничилась бы чисто формальной деятельностью.

Разработанный Н.А. Маслаковцом проект работы его комиссии резко отличал ее от большинства создаваемых на Дону «общественных» органов (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 16). Большую часть ее членов составляли представители не властных структур, но станичных обществ и дворянских собраний. Помимо самого Н.А. Маслаковца в нее вошло по одному представителю от Военного Министерства, областного правления, областного распорядительного по земским делам комитета, войскового штаба и Донского торгового общества, восемь представителей станичных обществ и восемь представителей дворянских собраний [ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 16. Л. 3–30б]. Подобный принцип комплектования комиссии наглядно показывает, что Н.А. Маслаковец, при всем своем бюрократизме, действительно считал крайне важным «призыв общественных сил на службу государству», и хотел, чтобы члены подведомственного ему органа представляли донское казачество, его желания и потребности, а не были защитниками интересов войсковых чиновников. Сам он писал по этому поводу следующее: «в качестве членов оной (комиссии – А.П.), были введены все элементы, которые могли обеспечить заключениям Комиссии возможно большую положительность, как относительно всесторонности обсуждения вопроса, так и достаточно количественности лиц, сообщающих комиссии свои взгляды и заключения. Так, в составе комиссии находим представителей и от всех классов местного казачьего населения» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 22. Л. 10б.).

Мы воздержимся от анализа хода деятельности комиссии Н.А. Маслаковца и тех результатов, к которым пришли ее члены. Для этого потребовалась бы отдельная статья, по объему превышающая нашу. Ограничимся указаниями на то, что избранные депутаты в ее составе настаивали на ряде решений, осуждающих правительственную политику ужесточения военного и административного контроля над казачьими войсками, характерную для 1880–1890 гг. Так, комиссия рекомендовала восстановить независимые от войсковой администрации донские земства [Протоколы, 1899: 184–187] и кардинально пересмотреть «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» от 1891 г., дающее военным властям право принудительно сдавать в аренду участки казаков, не сумевших самостоятельно снарядиться на службу (последнее решение поддержал и лично Н.А. Маслаковец) (Протоколы, 1899: 141). Понятно, что у комиссии быстро нашлись влиятельные противники: уже в 1900 г. новый донской атаман, К.К. Максимович, отправил в Военное Министерство критическое заключение о ее работе (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 22. Л. 1). И в итоге проект комиссии Н.А. Маслаковца так и оказался не востребован. Его официально не отвергли, но «заболтали»: в 1900 г. на Дон приехал военный министр, А.Н. Куропаткин, чтобы лично осмотреть регион и принять решение по наиболее остро стоящим вопросам. А в 1902 г. была создана новая комиссия для решения экономических проблем казачества, на сей раз единая для всех казачьих войск (Волвенко, 2017: 108).

Деятельность Н.А. Маслаковца на Дону в 1898–1899 гг. наглядно демонстрирует те идейные позиции, которые занимал генерал в зрелом возрасте. Герой нашей статьи, в соответствии со своими утверждениями о необходимости «удовлетворения местных нужд» и «призыва общественных сил на службу государству», поддержал создание для выяснения причин экономического кризиса казачества преимущественно выборную комиссию, члены

которой не боялись противопоставить себя государственной политике. Да и сам ее председатель в рамках своего прагматического консерватизма основывался на реальных фактах и свидетельствах донской статистики, а не представлениях о благотворности жесткого контроля сверху и милитаризации казачьих войск.

В заключение снова дадим слово Н.С. Григоровичу, первому биографу Н.А. Маслаковца: «В отставку окончательно он вышел 8 января 1906 г. с производством в чин генерал-от-инфантерии» (Григорович, 1911: 265). Несколько лет спустя, в 1908 г., герой нашей статьи скончался. Символично, что у этого человека, отдавшего большую часть своей жизни службе Российской империи и населяющим ее казакам, не было детей, и вскоре его сестра передала личный архив генерала, состоящий исключительно из служебной переписки и научных трудов Публичной библиотеке.

4. Заключение

Подведем итог всему вышеизложенному. Прежде всего, следует отметить, что Н.А. Маслаковец действительно был человеком «непоколебимой твердости в убеждениях» (Григорович, 1911: 266), как его характеризовали современники, человеком, чья деятельность была подчинена не сиюминутным интересам или желанию выслужиться перед начальством, но нескольким четким и ясным идеям. В текстах самого генерала мы обнаружили указания на две такие идеи: идею о том, что успешное развитие «человеческих обществ и государственных учреждений» возможно, только если оно основывается на «исторической почве или государственной потребности», «удовлетворении местных нужд» и обеспечении «прочной организации как самих обществ, так и государственных учреждений, при условии единства ясно и твердо определенной цели в направлении их деятельности» и идею о благотворности «призыва общественных сил на службу государству». Исходя из них, а так же конкретных действий Н.А. Маслаковца, можно охарактеризовать генерала как консерватора, но консерватора скорее прагматичного, чем идейного, считающего, что реформы должны отвечать решению конкретных проблем, а не достижению абстрактных идеалов.

Подобную идейную позицию сформировало, очевидно, разочарование в юношеском либерализме и собственных проектах, предусматривавших полную ликвидацию целого казачьего войска. Н.А. Маслаковец прекрасно видел, как либеральные реформы приводят совсем не к таким результатам, какие задумывались, и не только не облегчают, но и ухудшают положение казачества. Подобную позицию не стоит идеализировать уже потому, что она не дала генералу разглядеть опасность критики донских земств, и он был одним из тех донских чиновников, которые сыграли важную роль в ликвидации единственных на Дону выборных органов. Однако внимательность к реалиям, а не идеям имела и свои плюсы: именно она позволила Н.А. Маслаковцу одним из первых высокопоставленных российских чиновников обратить внимание на системный кризис казачества конца XIX в.. Что еще важнее, генерал считал возможным выйти из этого кризиса только через облегчение казачьих повинностей или прямую финансовую помощь простым казакам, что резко противопоставляло его позиции Военного Министерства 1880–1890 гг., предполагавшей милитаризацию казачества и усиление давящего на него административного пресса. Н.А. Маслаковец неоднократно призывал к пересмотру этой позиции, но его голос, в конечном счете, не был в должной мере услышан.

Литература

Волвенко, 2008 – Волвенко А.А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского (1864-1882 гг.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2008. С. 196-201.

Волвенко, 2017 – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднейимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.

Григорович, 1911 – Григорович Н.С. Памяти Н.А. Маслаковца // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 262-66.

Козлов, Козлов, 2000 – Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000. С. 95-125.

[Краснов, 1909](#) – *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.

[Маслаковец, 1880](#) – *Маслаковец Н.А.* Объяснительная записка к вопросу о применении к области войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казацкой) массы ее населения. Новочеркасск, 1880. 124 с.

[Маслаковец, 1899](#) – *Маслаковец Н.А.* Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. 11 с.

[Оренбургский казак, 1862](#) – Оренбургский казак. Правда об Оренбургском казачьем войске // *Военный сборник*. 1862. № 9. С. 103-122.

[ОР РНБ](#) – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

[Протоколы, 1899](#) – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. 289 с.

[Сватиков, 1924](#) – *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549 – 1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.

[Ст., 1861](#) – Ст. По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках // *Военный сборник*. 1861. № 1. С. 201-210.

References

[Grigorovich, 1911](#) – *Grigorovich, N.S.* (1911). Pamyati N. A. Maslakovtza [In Memory of N.A. Maslakovtza]. Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Vyp. 23. Orenburg, 1911. Pp. 262-66. [in Russian]

[Kozlov, Kozlov, 2000](#) – *Kozlov A.A., Kozlov A.I.* (2000). Imperskaya politika ogosudarstveniya, militarizatsii i zakrepushcheniya kazakov v XIX – nachale XX veka [The imperial policy of nationalization, militarization and enslavement of Cossacks in the XIX – early XX century]. Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee. Pp. 95-125. [in Russian]

[Krasnov, 1909](#) – *Krasnov P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. P. 522. [in Russian]

[Maslakovets, 1880](#) – *Maslakovets N.A.* (1880). Obieiasnitelnaia zapiska k voprosu o primenenii k oblasti voiska Donskogo zemskoi reformy na osnovaniiakh, sootvetstvuiushchikh mestnym usloviyam kraia i bytovym osobennostiam glavnoi (kazachei) massy ee naseleniia. [Explanatory note about the question of the application of the reform of zemstvo to the Don Host Oblast on the grounds corresponding to the local conditions of the region and the everyday peculiarities of the main (Cossack) mass of its population]. Novocherkassk. 124 p. [in Russian]

[Maslakovets, 1899](#) – *Maslakovets N.A.* (1899). Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Dontsova. [Submitted by the Chairman of the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Dontsov]. Novocherkassk. P. 11. [in Russian]

[OR RNB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

[Orenburgskij kazak, 1862](#) – Оренбургский казак. Правда об Оренбургском казачьем войске [The truth about Orenburg Cossacks]. *Voennyyi Sbornik*. 1862. № 9. Pp. 103-122. [in Russian]

[Protokoly, 1899](#) – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. B.m., 1899. P. 289. [in Russian]

[St., 1861](#) – Ст. По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках [About the Opening of Committees for the Revision of Provisions in the Cossack Hosts]. *Voennyyi Sbornik*. 1861. № 1. Pp. 201-210. [in Russian]

[Svatikov, 1924](#) – *Svatikov S.G.* (1924). Rossiya i Don (1549–1917 gg.) [Russia and the Don (1549–1917)]. Belgrade. P. 592. [in Russian]

[Volvenko, 2008](#) – *Volvenko A.A.* (2008). Pravitelstvennaia politika, mestnaia vlast i zemskaya reforma v Oblasti voiska Donskogo (1864–1882 gg.) [Government Policy, local government and reform of zemstvo in the Don Host Oblast (1864–1882)]. Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee. Vyp. 2. Rostov-na-Donu. Pp. 196-213. [in Russian]

[Volvenko, 2017](#) – *Volvenko A.A.* (2017). Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks

in the late imperial period (II half XIX - beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don, P. 226. [in Russian]

Идейная эволюция чиновника: путь генерала от инфантерии Н.А. Маслаковца от юношеского либерализма к прагматическому консерватизму

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Генерал от инфантерии Николай Алексеевич Маслаковец был одним из самых влиятельных чиновников российского Военного Министерства конца XIX в., занимавшихся управлением казачьими войсками. Генерал предлагал ряд реформ, а так же руководил работой нескольких комиссий, сыгравших определенную роль в истории всего казачества (в частности, с одной из этих комиссий связывают уничтожение земств на Дону, а вторая признала серьезный экономический кризис донского казачества). Однако специальных исследований, посвященных Н.А. Маслаковцу, почти нет, и его идейная эволюция осталась не прослежена историками. В донской историографии вслед за С.Г. Сватиковым Н.А. Маслаковца традиционно рассматривают как крайнего реакционера и противника выборных органов, нарушающих «стройную организацию» государственной машины. Но, обратившись к сравнительно малоизвестному историкам фонду Н.А. Маслаковца в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, мы обнаружили, что такая трактовка является сильно упрощенной. Мы попытались проследить идейную эволюцию генерала, которая представляется нам важной как для лучшего понимания принятых им решений, повлиявших на историю казачества, и так и в рамках исследования идеологии российской военной бюрократии конца XIX в. Нам удалось установить, что в молодости Н.А. Маслаковец придерживался либеральных взглядов и даже был сторонником постепенной демилитаризации казачества. Однако разочарование в результатах либеральных реформ в казачьих войсках заставило его перейти на консервативные позиции. При этом консерватизм Н.А. Маслаковца был скорее прагматическим, чем идейным: он считал, что правительственная политика должна не стремиться к либеральному или консервативному идеалу, но основываться на «исторической почве или государственной потребности», «удовлетворении местных нужд» и «прочной организации как самих обществ, так и государственных учреждений». Тем не менее, до самого конца карьеры генерал выступал за «призыв общественных сил на службу государству».

Ключевые слова: идеология российской бюрократии конца XIX в., история казачества, Н.А. Маслаковец, комиссии Н.А. Маслаковца, экономический кризис казачества в конце XIX в.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)